

Наталья Владимировна Резанова
Рассказчица историй
Серия «Мирина-Воительница», книга 1

*<http://www.fenzin.org> Скан Sarina
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137789
Ветер и меч: «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир»; М.; 2004
ISBN 5– 94850-322-4*

Аннотация

«Рассказчица историй» и «Ветер и меч» – повествования о невероятных похождениях девы-воительницы Мирины, рассказанные ею самой. После падения Трои она во главе небольшого отряда амазонок ведет войны на море и на суше: с пиратами, атлантами, Горгонами... Она пробует создать свое справедливое государство, где не будет места ни религиозной, ни социальной дискриминации. И всегда и везде Мирина пытается постичь души окружающих, разгадать их мысли и чаяния...

Содержание

ПРОЛОГ	4
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Резанова

Рассказчица историй

Женщины желают во всем свободы, или, лучше сказать, своеволия... И теперь, неужели вы думаете, что с женщинами легче будет справиться, если вы позволите им нападать на отдельное постановление, силой добиваться прав и равняться, наконец, с мужчинами? Как только они сделаются равными, они тотчас станут выше нас.

Марк Порций Катон

ПРОЛОГ

Я не стала бы вспоминать об этом, если бы в приморский лагерь вчера не забрел рапсод. Как он попал сюда из земли Пелопа – не знаю. У него было плохо со зрением, как у большинства из них, и он не понимал, кому поет. Сообразил только, что здесь понимают по-ахейски. И речь он завел о конце Большой Осады.

Мы, конечно, и без него знали, что война давно кончилась, в долине Скамандра одни головешки, и ахейцы не знают, как расхлебать кашу, которую заварили. Но когда он запел о событиях, хорошо мне знакомых, я даже испугалась – а напугать меня, видит Богиня, нелегко. И не потому, что они там всех нас поубивали.

Кстати, в одной из песен рассказывалось, как меня хоронили с почестями. Спасибо. Но они спутали с Пентезилеей. Только когда дело коснулось смерти Ахилла, Пентезилеи и Париса... Они не знают даже, кто кого убил, не говоря уж о последовательности событий. Или знают?

Я не тронула рапсода – что взять со старого дурака? – но мне хотелось спросить: верит ли он сам в свое вранье? С него станется. Ахейцы по части вранья всегда отличались. Троянцы тоже. Но у ахейцев получается более вдохновенно и целеустремленно. Ох, возведут они это дело в ранг высокого искусства. В Темискире не врет никто. Но в Рассказчицы историй выбирают только ту, которая понимает, почему люди лгут. Хотя бы иногда. И, может, не случайно, что в этом походе Рассказчица историй и Военный Вождь оказались одним человеком. Мной. Значит, мы все погибли под Троей. А так могло бы быть, если б я настояла на своем. Я знала, что, в конце концов, ахейцы троянцев пересидят. Это они тоже умеют – брать числом. Но я хотела остаться. Даже после того, как Парис не вышел на мой вызов.

Мне не нравилась эта война, это был поход Пентезилеи, а не мой, но не дело бросать союзников, какими бы подлыми они ни были. Но Боевой Совет единогласно решил уйти. А я не собиралась ради троянцев ломать хребет новоизбравшему меня Боевому Совету. К тому же они у меня в печенках сидели, эти союзники, со своими интригами, мелочностью, лживостью, болтовней и прочими мужскими достоинствами.

Конечно, не все они были такими. Но на десятый год осады лучших, как правило, в живых уже не остается. Женщин и детей, конечно, было жаль. Я предлагала Этилле, Астиохе и Медесикасте уйти с нами, но они отказались. Кассандра бы, я думаю, пошла. Но она к тому времени уже была в заточении. Ничего не поделаешь.

И вот теперь я слышу все это вранье. Нет, решительно, ахейцы, хоть у них обман считается за доблесть, одни такую бездну вранья бы не подняли. Как ни рознятся они в обычаях с троянцами, ложь – это у них общее. Приходится признать, что имел место сговор. Может быть, ненамеренный. Но к взаимной выгоде.

Пентезилею убил Парис. Стрелой в спину. У меня нет доказательств и свидетелей. Но больше никто из них такого расстояния бы не осилил. Стрелять он умел хорошо. Это единственное, что он умел делать хорошо, шкура, а ближнего боя боялся хуже чумы. Я знаю, я его вызывала. Но он засел в царской цитадели, а нас попросили разорвать договор и убраться восвояси. Они боялись, что мы захватим город изнутри. Приам всячески пытался всучить нам отступного и никак не мог взять в толк, почему мы не берем. Тягостно видеть человека, на котором проклятие, но еще тягостнее видеть человека, который не понимает, что проклят, и все суетится, суетится... Все они теперь мертвы. И Парис тоже сдох. И меня утешает – все свидетельства сходятся на этом, – что сдох он в муках. В отличие от других, которые умерли быстро. Кто что заслужил. Каким бы подонком ни был Ахилл, храбрости у него не отнимешь. Хорошо, это их дела. Но после того обвала лжи, который вылился на меня вчера, я, стоя на борту своего корабля, раздумывала – может, мы были неправы, рассказывая истории только среди своих, отворачившись от внешнего мира? И пришла к выводу – нет, все верно. Говорить стоит только с такими же, как ты. Остальные тебя не услышат. Если мою историю не услышат, значит, таких больше нет. Ничего не поделаешь.

Эта история – о походе, предпринятом нами после Большой Осады. О нем во внешних странах, если не считать Архипелага, мало кто знает. Ведь поблизости не было ни одного рапсода, чтобы сложить звучную байку. Поэтому здесь я выполняю долг Рассказчицы историй. Но прежде надобно рассказать о событиях, имевших место раньше, а также кое-что о себе.

Я – Мирина, по избранию Военный Вождь Темискиры. В этом городе я выросла, но не родилась. Туда меня доставили в раннем детстве. Из какого я народа – не знаю. Помню только дымные костры, шатры, крытые кожами, табуны коней в степи, голых, грязных и белобрысых детей, из которых я одна плескалась в огромной реке, что могла быть Борисфеном или Танаисом, и особенно отчетливо – клубок змей на дне оврага, куда я свалилась. Когда меня нашли, я навертела себе этих змей на шею и руки. Мне было очень весело. Кажется, сразу после этого меня и отвезли в Темискиру. И с большой поспешностью. Что до всего остального, то среди многих скифов и сарматов, которых я убила, вполне могли оказаться мой отец или братья. Ничего не поделаешь. Теперь мой народ – здесь.

После обязательного обучения в Храме меня назвали Рассказчицей историй.

В Темискире нет своей письменности, хотя не возбраняется, в отличие от скифов, где за это дело отрубают руки и ноги, выучить чужую. И я, например, ко времени Большой Осады знала письмо ахейское и финикийское, но все хронологии и генеалогии записывать запрещено, они передаются только изустно. То же относится и к религиозным учениям. Наш народ поклоняется Деве, это всем известно, здесь я тайн не выдаю, а также чтит разные воплощения военных божеств.

Божеством же своей судьбы я считаю Дике Адрастею, а не Энио, как Пентезилея. Впрочем, теперь я стараюсь не смешивать войну с религией. Фракийцы поклоняются Богине, скифы, хоть и чтут Деву – мужским богам, прямой родне ахейских, а воевать Темискире постоянно приходится и с теми, и с другими. Однако троянцы обратились к нам за помощью, равно как и к фракийцам, именно потому, что они наши единоверцы. Правда, они чтут Богиню как Мать, а мы – как Деву (есть еще одна, но о ней лучше молчать).

В то время в нашей стране установился прочный мир – после всех поражений, которые наше войско нанесло соседним народам. На воротах Темискиры недаром изображена змея. Она, говорят, умирая, возрождается.

Сто лет назад, после объединенного похода ахейских племен, от Темискиры камня на камне не оставалось, а пару лет спустя наш народ уже штурмовал их Афины. Наш город всегда возрождался. Но Пентезилее этого было недостаточно. Она была тогда царицей. И самой победоносной воительницей за долгие годы, дочерью Ареса, как называли ее сосед-

ние племена. Кроме того, хотя это к делу не относится, она была самой красивой женщиной, какую мне когда-либо приходилось видеть. Точеное лицо с тонким прямым носом, совершенно неподвижное, огромные черные глаза и золотая кожа. И черные волосы, как туча. Она уже десять лет стояла во главе войска и так замирила окрестные народы, что они не осмеливались даже подходить к валу, не то что переходить его.

Но я повторяю – Пентезилее этого было мало. Она считала, что должна восстановить в мире былую славу Богини, – не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы видеть, как слава эта падает. И тут подоспело посольство троянцев. В Боевой Совет меня ввели по указанию Пентезилеи. Я не знаю, почему она всегда меня выдвигала. Она была умна и знала, что я отличаюсь от нее, и далеко не во всем одобряю ее поступки. Хотя смешно говорить об этом сейчас, когда именно я сделала многое из того, что собиралась сотворить она. Но я всегда считала, что наше дело лучше всего вершить в здравом рассудке. Она же была подвержена безумию боя. Поэтому она, при всем своем презрительном отношении к мужским богам, не только признавала, но и почитала Ареса, брата Энио. Она лучше других знала то особое состояние духа, которым Арес наделяет своих избранных. Недаром его боевое имя означает «Бешеный». Этому состоянию можно и научиться, и вообще-то, мы все это умеем, но не все одинаково одарены. Я, например, обладаю ничтожной долей такого дара. Можно сказать, всем обязана обучению, и ничем – себе. Дар Пентезилеи был из величайших. И, может быть, она считала, что с таким даром ей полезны холодные, рассудительные штабные чиновницы. Вроде меня. Точно не знаю, она никому не доверяла сокровенных мыслей. Никто из нас не доверяет.

Итак, Пентезилея решила пойти на помощь Трое. Все произошло настолько быстро, насколько это возможно при маленькой армии. Я думаю, кое-кто сильно удивится, узнав, какая она была маленькая. Но так было всегда. Помню, как я смеялась, впервые услышав песню об «ордах диких амазонок». Меня вообще легко рассмешить, я вижу смешное там, где его не видят другие. Орды? Я бы сказала: «маленькие, хорошо организованные боевые отряды». Но люди не способны признаться, что десять женщин, штурмовали крепость, а полсотни прочесало царство.

Наша армия просто не может быть велика из-за того, что прирост населения в нашем государстве крайне ограничен. И, все, кто умеет хоть слегка трудиться головой, а не противоположным местом, представляют численность нашей армии.

Откуда же слава наших походов? А оттого, что мы никогда не могли навалиться на врага кучей и задушить его собственным весом, как это делают другие народы. Нам пришлось выработать такое мастерство в бою, какого никогда у тех, других, не было.

Сейчас искусство боя в мире вообще, не скажу, чтоб умирает, но покатило куда-то не туда. Вместо того, чтобы тренировать свое тело, принялись его защищать. Особенно ахейцы отличаются по этой части – навешивают на себя такое количество бронзовых, роговых и кожаных нахлобучек, что не повернешься, и еще свары с кровопролитием устраивают за обладание этим добром. Мужчины, конечно, что с них взять, но у скифов даже мужчины до такого не опускаются.

Но я отвлеклась. При Пентезилее у нас была огромная армия – восемьсот мечей, и, разумеется, не все они пошли под Трою. Примерно треть осталась охранять Темискиру. Рейд через Фракию был молниеносным. В иное время, конечно, если бы мы вступили на их территорию, нам, несмотря на перемирие, так легко бы это не сошло. Но сейчас – Другое дело. Союзник нашего союзника – наш союзник, верно? Они тоже посылали отряды под Трою. «Приам очень хорошо платит», – сказал их Полиместор. Так что, помимо двух-трех незначительных стычек, все прошло гладко. Кроме царской резиденции мы побывали еще в подземном святилище у Гебра, но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

В Трое мы пробыли несколько месяцев, поэтому я успела там осмотреться. За исключением первых и последних дней нашего пребывания там военные действия не были столь оживленными, как мы ожидали. Осада шла уже десятый год, все от нее устали, и велась она, надо сказать, из рук вон лениво. К тому же троянцы то и дело подкидывали взятки разным ахейским вождям, чтоб отвели свои отряды с поля боя, или вообще под каким-то предлогом отсиделись в лагере.

Особенно отличался по этой части Ахилл – а он был у них лучший боец, и многие глядели ему в рот. Трусом он ни в коем случае не был, просто жаден неописуемо, даже по ахейским меркам. Про их предводителя рассказывали еще худшее. Будто бы перед началом похода принес в жертву Деве родную дочь. Но одновременно ходили и другие слухи. Будто бы он зарезал на алтаре другую девочку, а свою дочь спрятал где-то.

Когда Кассандра рассказала мне это, я спросила – на что он рассчитывал: обмануть Богиню или оскорбить ее? В любом случае, неужели он думает, что ее месть его не достанет? При этом Кассандра вдруг упала, забилась, на губах у нее выступила пена – начался припадок священной болезни, которой она страдала. Прибежали прислужницы и унесли ее в задние комнаты храма, куда мне доступа не было.

Когда я опять пришла в храм, Кассандра была очень бледной, подавленной, и всячески допытывалась, что я чувствовала, когда произносила эти слова? Но я не могла ничего ей ответить. Я просто сказала, что думала. Это был последний раз, когда я видела Кассандру.

Но я опять забегаю вперед. К этому я еще вернусь, а пока, – чтобы закончить об ахейцах.

Встречаться с ними мне приходилось не только в бою. Несколько раз затевались переговоры, которые, как обычно бывает с переговорами, ничего не дали – так что нагляделась.

Они поклоняются мужским богам, но при этом боятся Богини, и словно бы желают дать ей взятку. Они не понимают, что это бесполезно. Жадны они беспредельно, тащат все, что под руку попадется. Особенно любят золото. Вот этого не понимаю я – ведь серебро гораздо красивее, а бронза полезнее, не говоря уж о железе. Правда, золото важно в магических ритуалах, но ахейцы не признают магии и страшатся ее. Женщин своих они считают способными только рожать, и сами плодятся как кролики. Их очень много.

Надо думать, именно поэтому воюют они плохо и неумело – сплошной расчет на подкрепление. Об их привычке прятаться в панцирь я уже упоминала. Ездить верхом совсем не умеют, и всадника с конем могут принять за какое-то диковинное животное. Ей-богиня, не вру. Об этих полуконях-полулюдах они насочиняли много всяческих баек. Впрочем, трусов среди них не больше, чем среди прочих народов. Они невероятно хвастливы, много браются, слов не ценят, клятв не держат никогда, а предательством даже похваляются. Вот все о них. Но они были нашими врагами, враги ничем нам не обязаны и не должны проявлять благородство. Иное дело союзники.

Мне тягостно говорить о троянцах. Ведь они, как-никак, призвали нас на помощь. С виду они были совсем другие, чем ахейцы. Более утонченные, более хитрые, более цивилизованные, как они выражались. Богатые. Даже на десятый год осады в этом городе никто не голодал. А это значит, что они умели очень хорошо вести хозяйство. А посмотришь пристальнее – все то же самое. Что из того, что тебя пытаются обмануть более утонченно, заморочить более развесисто, предать менее явно?

И еще они все время боялись. Причем привыкли к своему страху. Хвастать тоже умели. Заявляли, будто их городские стены построены богами. Ничего не скажешь, хорошие были стены. Однако я в первый же день заметила среди укреплений пару слабых мест. И ахейцы были либо законченными дураками, что не воспользовались, либо им за это хорошо платили. Вот это у троянцев главное – они верили, будто все можно купить. А тех, кто с этим не соглашался, считали дикарями. Нас в том числе, хотя Темискира старше Трои.

Храмов в городе было полным-полно, однако вера у троянцев запутанная и искаженная. Они почитали Великую Троицу, но не Трехликую Богиню, а Мать, Сына и Деву. Сын одновременно является мужем Матери и существует в двух ипостасях. Помимо известного нам Бешеного Убийцы, у него есть и светлый лик, которого мы не знаем. Все это мне объясняла Кассандра. Но я после долгих бесед так и не поняла, в чем суть этой светлой стороны. В этой ипостаси он тоже занимается в основном убийствами, и даже зовут его Губитель.

В общем, подобно тому, как ахейцы почитали мужских богов, но пытались дать взятку Богине, троянцы, народ Богини, пытались подкупить мужских богов.

Самое тягостное впечатление в городе у меня оставили женщины. Я никогда не пыталась и не пытаюсь понять мужчин. Они не такие, как мы, они по-другому устроены, и все тут. Но я к тому времени побывала во многих походах, видела разные царства, где люди живут не так, как мы, и мне казалось, что женщин я знаю. Но здесь я просто немела. Тупые, жадные, мелочные, обжорливые, болтливые, развратные – они совершенно омужчинились. Ничего не поделаешь.

Слушая рапсоду, я была удивлена, что в этой компании кто-то вообще запомнил мое имя. Когда я сопровождала Пентезилею, все смотрели только на нее.

Оно и понятно. Пентезилея – истинная царица, а я – ее серая тень. Они смотрели на нее, а я смотрела на них и запоминала. Поэтому многих из царского дома я знала хотя бы в лицо.

Кого я не видела, так это их Елены, «Золотой Елены», как ее называли. Может быть, она сама устраивала так, чтобы не встречаться с нами. Но слышала я о ней много, и то, что я слышала, меня удивляло.

По здешним обычаям, у женщины должен быть только один муж, и измена ему считалась преступлением. И я не понимала, почему тогда, после всего, что она творит, ее попросту не выставят за ворота и не лишат ахейцев предлога вести осады.

И Кассандре пришлось долго объяснять мне, что пока Елена считается женой Париса, он имеет право на какие-то там ахейские города, где наследование все еще передается по женской линии. Вдобавок Елена у ахейцев считалась дочерью их главного бога, и не в переносном смысле, как Пентезилею называли дочерью Бешеного Убийцы, а в самом прямом.

Только ахейцы могут додуматься до такой глупости. А в целом все сводилось к тому же вопросу о взятках. От хижины водоноса до царского дворца – таков был стиль жизни.

Но во дворце я бывала редко. Пентезилее – той приходилось присутствовать на всех военных советах в царской цитадели.

Но я – то не царица. И ходила я в основном по храмам.

И в царской семье я свела знакомство лишь с теми женщинами, что служили жрицами.

Жрицей была и здешняя царица – Гекаба. Уже из имени видно, что служила она Гекате и знала магию и наложение проклятий.

Я посещала их ритуалы, куда она приглашала меня, по-моему, больше из желания удивить, чем поделиться знаниями. Удивить меня ей не удалось – я долго училась и посещала храмы в других царствах.

Кто меня удивил – так это Кассандра. Она служила Деве в той ипостаси, которую называют Афина.

При встрече она долго смотрела на меня, потом сказала:

– У тебя есть Дар. Но я не могу определить, какой.

Мне нечего было ей ответить. Я тогда над этим не задумывалась.

У нее самый Дар, безусловно, был, и в каком-нибудь правильном месте она бы заняла главенствующее положение. Но здесь, в этом городе с искаженной верой, ее только боялись.

С ней мы разговаривали о том, что ахейцы называют политикой. Я тогда ничего в этом не смыслила, и ей приходилось многое мне растолковывать. Но и мне, в свою очередь, при-

ходилось объяснять не меньше. Еще никогда мне в качестве Рассказчицы историй не пришлось молотить языком, как в то время.

Причем сама Кассандра спрашивала мало. Задавали вопросы младшие жрицы – Этилла, Астиоха и Медесикаста. Они принадлежали к боковой ветви царского дома, и Кассандре приходились тетками, хотя и были моложе ее по годам.

Беседуя с ними, я впервые убедилась, насколько люди склонны верить самым нелепым сказкам, чем простым и очевидным вещам.

У них в Трое почему-то считали, что мы выжигаем себе одну грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука. С чего они взяли?

Касательно прочих наших обычаев представления были такими же дурацкими. «Нет, – говорила я, – мы не ослепляем наших мужей и не ломаем им ноги. У нас вообще не бывает мужей, это запрещено...» Очень много спрашивали относительно деторождения и целомудрия.

Вообще я заметила: чем больше в стране обычаев мужских богов, тем больше люди озабочены такими делами.

Я говорила: «Если хочешь рожать – рожай, но оставить в Темискире можно только девочку, мальчика же с радостью примет любое племя, это большая честь». Целомудрие обязательно только для тех, кто принадлежит к жречеству, и Боевому Совету. Жрицы управляются с такими силами, где необходима полная сосредоточенность, а на войне...

Неужели это нужно объяснять?

Оказалось, нужно, и мы, кажется, так друг друга и не поняли.

А если рабы восстанут?

Я опять обомлела: «Богиня с вами, какие рабы? Ни мужья, ни рабы нам не нужны. Мы все делаем сами. А пленных мы не берем – что бы стало с быстротой нашего передвижения, если бы мы еще таскали за собой пленных?»

Здесь, наконец, вопрос задала Кассандра. Она спросила, приносим ли мы в жертву Богине жизни людей.

Я заметила, что это интересовало ее не из праздного любопытства. Кажется, она спросила это при разговоре о предводителе ахейцев и истории с его дочерью.

Я отвечала ей правдиво, что раньше так было, и на всем полуострове, но вот уже несколько поколений, как обычай этот отменен. Правда, отменен он только в Темискире, окружающие племена продолжают приносить кровавые жертвы по самым разным поводам.

Мы довольно долго говорили об этом и сошлись на том, что человеческие жертвы не нужны.

Хотя она отрицала жертвы, потому что они жестоки (я тогда совершенно не понимала смысла часто употребляемого ею слова «жестокость», да и сейчас, признаться, понимаю его с трудом), а я – потому что они бесполезны.

С Кассандрой мы по этому вопросу соглашались, а с Пентезилеей – нет. Я замечала, что с некоторых пор она замышляет вновь ввести человеческие жертвы, и по мере пребывания в Трое это стремление в ней росло.

Я вовсе не скрывала от нее своих соображений о никчемности жертв – ведь жизнь любой женщины слишком ценна для Богини, а жизнь мужчины вообще ничего не стоит.

Но она – не я. Она была царица, а царская власть, если она дана по праву, гораздо более сопричастна божественной, чем принято думать. И ей потребен был ужас из разряда сверхъестественного, чтобы имя Богини воссияло в той славе, в какой оно было пятьсот, тысячу лет назад. Если бы она могла добраться до бога ахейцев на той горе, где он, говорят, сидит, она бы сбросила его с трона.

Но были и другие причины, не столь величественные. Думаю, она не простила ахейцам оскорблений, которыми они осыпали ее, когда мы впервые пошли против них.

Я никогда не обижаюсь на ругань, это все равно, что сердиться на ворону, за то, что она каркает, когда хочется спать, но – еще раз: она была не я.

А бранились они, визжали и вопили достойно мужчин. Я не хочу повторять здесь всего, но то, что ее стащат за волосы с коня, изнасилуют скопом, а то, что останется, бросят в реку, чтобы знала свое место, – это, кажется, было самое мягкое.

Заткнулись они довольно быстро. Когда Пентезилея оказывалась на поле боя, другим там делать было нечего.

И вскоре те, кто орали громче всех, начали избегать поединков с ней. Разумеется, они во всеуслышание заявляли, что честь не позволяет им драться с женщиной. Но при этом голоса их прерывались от страха.

И существовала еще одна причина для гнева – у нее было слишком много сил, и ни одного достойного противника.

Ну, один-то противник нашелся. Достойный если не по благородству, то по силе. Но он предпочел держаться в стороне. Трусом он, как я уже говорила, не был, но только лучше других знал, что такое Царица в божественной ярости. Недаром мать его в своей стране была верховной жрицей Богини. Он знал. И не хотел связываться.

Когда она это поняла, то безумно обрадовалась. Именно Ахилл своей кровью и плотью должен был напитать Богиню. И Пентезилея вызвала его на поединок, вызвала так, что обладающий хоть малой толикой гордости не мог отказаться.

Гордость у него была, пусть и дикарская. Он вышел по той же причине, по какой отказались другие.

Это был превосходный бой, жаль только, что о нем никогда не будут петь, потому что мы не складываем песен, ахейцы же будут лгать о нем до скончания времен.

Образец этой лжи я вчера уже слышала. А дальше, думаю, будет еще хлеще.

Действительно, все зримые преимущества оказались на его стороне. Он был тяжело-вооружен, у него был мощный доспех, а она даже шлема не надела, даже маленького круглого щита не взяла. Лишь царский топор в руках – знак ее ранга.

И дрались они пешими, как принято у ахейцев на поединках, в то время как нас они видели исключительно верхом, и считали, что именно так мы и сражаемся.

Однако в Темискире за тысячу лет выработались такие приемы боя, до которых ахейцам – как до неба, они все больше прут напролом, хотя, говорят, учатся довольно быстро.

Но этот еще недостаточно выучился, чтобы победить царицу Темискиры, которая в рукопашном бою была лучше всех нас. Вдобавок ему мешали доспехи, а ее движений ничто не стесняло.

И еще... Я говорила – она была очень красива. Ослепительно красива. И, если бы он меньше глазел на нее во время боя, может, у него и был бы шанс победить. Был, я обязана это признать. Но он глазел.

И она убила его, раздробила череп, выкликая имена Богини. Но этого ей показалось мало. Я видела – божественная ярость бушевала в ней и требовала выхода. Она сорвала с трупа его прославленные доспехи и швырнула их в грязь. А потом кликнула собак.

Я не упоминала – с нами тогда жили наши боевые псы. Здесь-то они давно все перемерли. А там они были в самой силе, злые и очень голодные. Она их нарочно несколько дней не кормила. Короче, там нечего было потом хоронить. Она добивалась именно этого.

Ахейцы пришли в ужас.

А я была очень недовольна. То есть убить его, конечно, стоило. Но не скармливать труп собакам.

У ахейцев надругательство над трупом врага – обычай почти обязательный, и покойник в нем особенно преуспел.

Мы в своем народе верим в перерождение души, и то, что происходит с телом после смерти, нас не волнует. Ахейцев же почему-то волнует, и очень сильно. Поэтому не стоило опускаться до их уровня.

Может, если бы она так не поступила, в дальнейшем все пошло бы по-другому. Но она поступила именно так. Впрочем, если бы я тогда высказала свои мысли вслух, никто бы ко мне не прислушался.

Троя ликовала. Он очень досадил троянцам, этот Ахилл, больше, чем все остальные. Он убил их главного полководца, человека, говорят, очень достойного, и многих других. Еще у многих знатных троянцев он вытянул отступного.

И теперь город охватила безумная радость. Народ пел и плясал на улицах, восхваляя Пентезилею. Если бы она пожелала им сейчас что-нибудь приказать, они бы пошли за ней, не задумываясь. И многие кричали, что царица – лучше царя, и если бы городом, как встарь, правила царица, ахейцев бы давно сбросили в море.

Кричали об этом громко, не скрываясь, и не сомневаюсь, что к этим словам есть кому прислушаться.

Никто из царской семьи не вышел встречать Пентезилею. Но нас это не насторожило. Да, Пентезилея могла бы в тот день взять власть в Трое, но она не хотела. Она ведь уже была царицей и желала усиления власти Богини, а не собственной.

Только в доме Приама так не считали. Сами склонные к предательству, они хотели видеть его и в остальных. И в тот вечер, когда все горожане, как безумные, носились, распевая, по улицам, в царском доме собрался совет.

Я не знаю, о чем там говорилось – никого из посторонних не допустили. Знаю лишь, что Кассандру после этого посадили в темницу, и больше я ее никогда не видела.

Исходя из этого, можно догадаться, что она им сказала.

Меня тогда ни это, ни шум на улицах, ни общее веселье не волновали. Я загоняла собак на псарню. А когда вернулась, Пентезилея сказала мне, что она проведет ночь в храме Богини, и никто не должен сопровождать ее.

Она была все еще в состоянии экстаза, душа ее требовала беседы с божеством наедине.

Я отправилась спать, а она – в храм.

Потом сказали, что ей следовало пройти очищение от пролитой крови. Мы не знаем такого понятия – «очищение от пролитой крови».

Наутро ее нашли во дворе храма со стрелой в спине. Стрела вонзилась так, что было понятно – стреляли сверху.

И жрец Губителя – одного из сыновей Приама – провозгласил, будто его бог, недаром именуемый стреловержцем, порастил Пен-тезилею своей стрелой за то, что она осмелилась войти в храм, не пройдя очищения.

Все испугались и притихли.

Я первая из нашего войска увидела ее там, во дворе.

Жрицы жались вдоль стен, она лежала ничком, подвернув голову, топор выпал из руки.

Мне сразу все стало ясно. Стреляли действительно сверху – храм Богини был обнесен высокими стенами.

Единственное здание поблизости – храм Губителя. Расстояние от его крыши до двора Богини немного больше полета стрелы, но хороший стрелок мог бы его преодолеть.

В Трое был только один такой стрелок.

Бывают люди, которых ненавидишь из-за одного их существования, и никакие доводы разума не могут здесь помочь. Возьмите все самое худшее от мужчины и от женщины, смешайте с грязью, потом вылепите из этой грязи человека. Получится Парис.

Я его редко видела, еще реже разговаривала с ним, но я знала, что он труслив, подл, тупоумно хитер и непомерно властолюбив. Не могу утверждать точно, но считаю, что он

приложил руку к гибели своих старших братьев. Одна-другая взятка ахейским вождям – разве это трудно устроить?

И вот теперь, при малейшей угрозе его престолонаследию...

До сих пор не знаю, был ли причастен к этому Приам. Думаю, нет. Царское звание все же обязывает к соблюдению хоть какого-то достоинства. Но Парис мог прикрываться его именем. А жрецом Губителя был его родной – не просто единокровный – брат.

Все это я просчитала очень быстро. Недаром Пентезилея в минуты гнева говорила, что мне следовало бы заниматься подсчетом продовольствия в Темискире, а не судить о делах царей.

Я просчитала – и впала в бешенство. Но это была не божественная ярость Пентезилеи, а холодная злоба потрясенного человека. В божественной ярости человек не сознает и не помнит себя, я же прекрасно все сознавала.

Я подняла царский топор, которым вчера был убит Ахилл, и который у меня не было права носить, и, с топором в одной руке и скифским мечом в другой, двинулась ко дворцу, вызывая убийцу на поединок.

Заставы на подступах разбежались, потом говорили – при виде огромного змея, что полз предо мной, словно прокладывая путь.

Исходя из дальнейших событий, теперь я могу считать это правдой (тем более что в храме Богини держали змей и одну из них могли – случайно или намеренно – выпустить), но тогда я склонна была относить это на счет обычной троянской трусости.

Парис поступил как настоящий мужчина – забился в цитадель, укрывшись за прочные стены и засовы.

А я, стоя на площади, продолжала выкликать его. При других обстоятельствах я бы так не поступила. Так поступила бы Пентезилея. Поэтому позже и говорили, что в меня вошел ее дух. Но это неправда. Да, я поступила несвойственно моему характеру. Но не каждый день мою царицу предательски убивают выстрелом в спину!

Я с трудом могу воспроизвести в точности, что я говорила тогда – давно это было. Примерно то же, что Пентезилея говорила Ахиллу. Только Ахилл вышел на поединок, а Парис нет.

И напрасно орала я, что он навсегда потеряет лицо, что не только он, а весь род его навечно станет стыдом и посмешищем в глазах людей, что лучше ему быстро умереть от моей руки, чем ждать страшного гнева Богини, честила его трусом, мразью и так далее.

Не стоило этого делать. Я могла драть глотку до скончания времен. Когда я это поняла, то быстро унялась. Меня слышала вся стража, и если не весь город, то добрая его часть.

Все знают, что он трусил, и опозорен навеки, пусть доживает с этим. Так решила бы каждая из нас – для любой из нашего народа позор хуже смерти.

Я была тогда очень молода и, в конечном счете, хоть и почитала себя опытной и знающей жизнь, очень глупа. Теперь я понимаю, что далеко не всякий, кого мы считаем опозоренным, разделяет это мнение. И когда я уходила, Парис в действительности вовсе не раздумывал, как скрыться навек от глаз людских, а хихикал от облегчения.

Никто из нас этого не понял. Если бы мы поняли, может, и стали бы мстить. А может, и к лучшему, что мы этого не поняли. Если этот дом был проклят – а он был проклят – нечего нам примешиваться к его проклятию.

Как посмотришь на ахейцев с их тупостью и дикостью, а потом на троянцев с их трусостью и коварством...

Неужели на свете есть только две дороги? Нет. Пока жива хоть одна из нас; существует третья.

У меня было мерзко на душе. Так мерзко, что я не чувствовала горя.

Когда я вернулась к Боевому Совету, у меня была единственная мысль – отдать топор, и пусть все оставят меня в покое.

Но топор мне вернули, сказав: «Он твой. Военный Вождь носит царский топор во время похода. Дух Пентезилеи в тебе».

Мне и в голову не пришло возражать Совету, да и с чего возражать? Хотя и не согласна была с последней фразой.

Но в то мгновение я думала только о том, что, в отличие от Пентезилеи, никогда не умела в совершенстве управляться с боевым топором. Это царское оружие, а я не царица, моим излюбленным оружием с юности был скифский меч. Но это все равно, топор мой лишь до конца похода. Я приняла его. С того-то все и началось.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ САМОФРАКИЙСКАЯ ПОБЕДА

Сразу должна сказать, что топор в моих руках не остался всего лишь церемониальным оружием. Довольно скоро я обнаружила, что в бою в некоторых условиях им удобнее пользоваться, чем мечом.

Вручили мне и другой знак достоинства Темискиры – тонкий обруч из небесного железа с припаянным к нему серебряным серпом нарождающейся Луны. Военный Вождь носит этот обруч на шее, царица, передвинув застежку – на голове.

Я никогда не надевала его на голову. Даже теперь. Как бы меня здесь не называли.

Вся Троя притихла.

Если бы мы вышли на улицы и учинили резню, а именно этого от нас и ждали, мало кто, я думаю, стал бы сопротивляться. Мы этого не сделали по причинам, которые ясны тем, кто слушал меня внимательно.

После тризны я собрала Боевой Совет. Мне действительно нужен был совет. Я никогда не искала власти, меня вполне устраивало второстепенное место при Пентезилее. И если после ее смерти я была в состоянии что-то предполагать, я бы предположила, что Военным Вождем выберут более опытную – Антианиру (но она оставалась наместницей в Темискире), или Хтонию – но именно Хтония убедила всех, что в меня вселился дух Пентезилеи.

Довольно странное утверждение. Я уже говорила, что мы верим в переселение душ. Но дух умершей должен проявиться в новорожденном младенце, а не во взрослой женщине.

Кроме Хтонии в Совет входили: Аэлло, Мелайно, Киана, Никта, Анайя, Кирена и Аргира.

Хтония была старше других, ниже меня ростом, широкоскулая, коренастая, черноволосая, с кожей, от природы – не от загара – более темной, чем у многих. Она могла бы стать превосходным Военным Вождем – отважная, верная, хладнокровная...

Я говорю: «могла бы», потому что сейчас ее уже нет в живых.

Но она предпочитала оставаться просто советницей. В сущности, то же можно было сказать и об остальных.

Я иногда задаю себе вопрос – случайностью или волей Пентезилеи было то, что в Боевом Совете собирались люди, не рвущиеся к личной власти? Ведь не все же мы были таковы, и царицей по суду Богини становилась победительница турнира, а чтобы победить, надо этого хотеть.

И я не могу ответить.

Итак, я спросила советниц, что нам делать теперь?

Их мнение было единодушным – это место заражено, Богиня от него отвернулась, и нужно как можно скорее уходить отсюда, дабы не заразиться самим.

У меня на этот счет имелись сомнения, которые я изложила вначале, но они были не настолько сильны, чтобы я пошла одна против всех. Чтобы победить, нужно этого хотеть (правда, позже я убедилась, что это правило не всегда срабатывает и имеет обратную сторону).

Я согласилась. И не стоит спрашивать, что было бы, если бы мы остались. За меня это сочиняли – уже сочинили – другие. За себя же скажу, что вполне способна защищать безнадежное дело. Но тогда этого не произошло. Ничего не поделаешь.

Как я уже упоминала, я нанесла прощальный визит Приаму. Никто больше из царской семьи не осмелился со мной встретиться. Даже Гекаба, а уж она была женщиной с сильным характером и жрицей Богини. Но, возможно, она боялась меня потому, что преступление

совершилось на территории ее храма. А может быть, заключенная в крепость Кассандра наговорила такого, что ужаснуло ее... Кстати, Кассандру специальным царским указом объявили сумасшедшей. Это было что-то новое. Пророчицы и должны быть безумны, это все знают, и за то их во многих странах и почитают. Если бы они были разумны, это мешало бы вдохновленным Богиней видениям.

Говорю об этом не по опыту Темиксиры, где вообще нет пророчиц, но по памяти о пребывании во Фракии, где священное безумие в большой чести.

Но Кассандра, хоть и страдала священной болезнью, ни в коем случае безумна не была. Ее Дар – иного порядка.

Таким образом, царская семья сделала еще один шаг в трясину лжи, из которой никому из них не суждено было выбраться. Это не пророчество. Это было самоочевидно.

Еще пару часов я потратила на уговоры Этиллы, Астиохи и Медесикасты.

Они – то встретиться со мной не боялись. Но уговоры были напрасны. Самое удивительное – они не хуже меня знали, что ничего хорошего впереди их не ждет. По-моему, все троянцы, от царя до последнего нищего это знали, но в этих трех женщинах не было ничего от присущих остальным – тупой покорности судьбе, трусливой надежды, что все как-нибудь обойдется.

И тем не менее что-то мешало им покинуть родные стены Трои. Если город виновен в глазах Богини, говорили они, мы разделим его вину. Если он не виновен...

Ладно. Не мне их судить.

Больше не было основания задерживаться в этом зачумленном городе, бывшем когда-то местом поклонения Богине.

И на утро следующего дня мы выехали из Скейских врат.

Тишина сопровождала наш отъезд. Молчали и ахейцы, и троянцы, хотя и те, и другие были рады, правда, по разным причинам.

Со стороны ахейского лагеря не было предпринято никаких попыток напасть на нас. Правда, называть это место лагерем можно лишь условно. За девять лет осады самые великие лентяи, к тому же владеющие рабами, сподобились бы соорудить какой-никакой городишко – и они его соорудили.

От своих лазутчиков в Трое – а я не сомневаюсь, что при этом духе всеобщей продажности такие лазутчики существовали – они уже наверняка знали, что мы уезжаем навсегда, но, надо отдать им должное, не стали выражать ликование открыто. На завтра они, может быть, плясали от радости. Теперь никто не мешал им врать, как они победили нас, как они стаскивали нас за волосы с коней, насиловали, убивали, а трупы бросали собакам (о, участь Ахилла...), и сочинять про это песни, и верить в них, и гордиться своими подвигами.

Оставим им эти маленькие мужские радости – у них ведь больше ничего нет. Кроме того, теперь они получают Трою. Я это знала точно. Получат Трою, и ее проклятье заодно. Решение Дике Адрастеи неотвратимо. Весь вопрос только во времени.

Как бы то ни было, они на нас не напали. Засады тоже не оказалось – наши псы предупредили бы нас.

Мы выехали из долины Скамандра и, обогнув расположение ахейцев и их обозы, через день выбрались на побережье. Теперь Нам предстояло проделать, уже знакомый путь, но в обратном направлении, – вдоль пролива и дальше, к Ситонийским берегам, на север, вдоль Кианейских скал, к Киммерии.

Два дня мы ехали вдоль береговой полосы, не торопясь, потому что торопиться было незачем.

Близилась осень, но в здешних местах она гораздо теплее, чем в наших краях, и не надо даже плаща.

Итак, мы ехали вдоль моря.

А на исходе второго дня увидели критские корабли, пришвартованные у берега. Их было два. Что они критские, было видно с первого взгляда, даже ночью для степного жителя. Ни одно государство, даже теперь, после падения Великой Критской Империи – талассократии, таких огромных кораблей из дуба и кедра не строит.

Мы ехали, не скрываясь. Кто мы такие, тоже было видно с первого взгляда, даже морякам, и они должны были трижды подумать, прежде чем нападать на нас. И они, безусловно, подумали. Поглазели на нас и остались при своих кораблях.

Первоначально мы насторожились. Всем известно, что критский царь Идомений в этой войне был союзником ахейцев и как раз сейчас находился в лагере под Троей. И это могли быть его люди. Но с какой стати они оказались так далеко от Трои? Может быть, ушли в вольный набег? Хотя вид у этих кораблей, при всей их величине, был, прямо скажем, не царский. Однако враждебности эти люди не проявляли, и этого было достаточно.

Ночью мы стали лагерем. Высланные вперед охотницы заслужили милость Богини, и мы жарили мясо на углях. Я вспоминала, как малой ученицей меня приучали есть мясо прямо с лезвия. Это связано с каким-то обычаем, а каким, я уже не помню.

И когда мы сидели вокруг костра Совета и старалась припомнить, в чем именно состоял смысл этого обычая, залаяли собаки, а потом одна из часовых – Псамафа – подошла и сказала, что пришел критянин и просит встречи с Военным Вождем.

Мгновение я колебалась. Выйти к просителю – возможно, это уронит достоинство Военного Вождя. Но впустить его – словно приоткрыться в бою.

– Хтония – за старшую. Энно, Аргира – со мной. Псамафа, возьми огня! Мы двинулись к выходу из лагеря. Энно и Аргира шли рядом со мной, сзади Псамафа несла головню, выхваченную из костра.

Странно, но мне казалось, что будущей встрече должны быть свидетели.

Энно была почти ровесницей Хтонии, а казалась даже старше из-за странного лица, каким народы Пелопонесса наделяют своих каменных идолов – горбатый нос, узкие, длинные, глубоко сидящие глаза и неподвижная улыбка. У нее, несомненно, был Дар, в первую очередь, целительский. Но она умела лечить не только раны и порезы, как мы все, но и обычные хвори. Имела она и видения, о которых предпочитала умалчивать. Этот поход, по общему мнению, должен был стать для нее последним, после чего ей предстояло перейти в жрицы, и только общая приверженность нашего народа к войне помешала ей сделать это давно. До того, как войти в Совет, она родила нескольких дочерей во славу Темискиры.

Аргира, напротив, была самой молодой в Совете, маленькой и гибкой, как змея Темискиры. С черными кудрявыми волосами, лицом, формой напоминавшим Сердечко, и черными миндалевидными глазами, она принадлежала к тому типу женщин, что ценят в сопредельных с Черной Землей странах.

Не знаю, откуда она была родом, у нас не принято доискиваться происхождения друг друга. Пентезилея в свое время язвила по поводу людей, «умевших считать». Аргира «умела считать» даже лучше, чем я, но ее подводило то, что она по молодости лет постоянно увлекалась и отвлекалась.

Мы подошли к границе лагеря, где, переминаясь с ноги на ногу, стоял человек. Света от факела Псамафы не доставало, чтобы как следует разглядеть его, но было видно, что он невысок – ниже даже меня, но широк в плечах и жилист, черноволос, чернобород, и, по всей вероятности, средних лет.

– Хвала Богине, – хрипло приветствовал он нас.

Он был вежлив. Только дурак или ахеец будет грубить воительницам нашего народа, да еще при оружии, а он не казался ни тем, ни другим.

– И слава Ей, – отозвалась я.

– Приветствую царицу, – продолжал он.

– Здесь нет царицы. Я – Военный Вождь.

– Какая разница? – он говорил на морском жаргоне, составленном из смеси разных языков, но в основе имевшим критский.

Он быстро продолжал:

– Я, Акмон-критянин, вольный купец, пришел предложить тебе свои услуги.

– Какие услуги может оказать вольный купец Военному Вождю?

– А вот какие. Вы ведь разорвали договор с Троей и возвращаетесь назад, верно? Да, мы на побережье уже знаем. Новости среди купцов распространяются быстро. У меня два порожних корабля на берегу. За небольшую плату мы с моим компаньоном могли бы перевести вас через Проливы и Понт прямо на родину.

– Хочешь сказать, что твои корабли вместят и нас, и наших лошадей?

– О, да, и без всякой давки. Нигде не умеют строить, как на Крите.

Это правда, но вопрос, брошенный мной, был всего лишь пробным камнем.

– Почему я должна верить тебе? Может, тебя подослали эллины? Ведь Крит – союзник ахейцев.

– Да, к нашему великому стыду. Но, вернее сказать, союзник ахейцев – Идомея, не Крит. Великая империя пала, когда заразилась от эллинов их верой. Но большинство из нас по-прежнему чтит Богиню. Мы – ваши единоверцы и на вашей стороне...

Он меня не убедил. Может, это звучит кощунственно, но я уже тогда успела удостовериться, что общая вера не объединяет, если не подкреплена оружием и законами.

Верно истолковав мое молчание, он продолжал уже не в столь возвышенных выражениях.

– Ну, и, кроме того, этот дурацкий пакт Идомея уничтожил всю торговлю в здешних краях. Деловые люди на Крите просто разорены. Троя была отличным торговым партнером, а с этих ахейских варваров что возьмешь? Они предпочитают грабить, а не торговать. Большая Осада их самих дочиста разорила. Единственный город, где в закромах еще что-то осталось – это Микены, но там, в отсутствие царя, власть захватил, такой скользкий тип, что сдохнешь – ничего от него не добьешься. Я тебе после расскажу, если хочешь. Там история еще та...

Поскольку я ничего не переспросила, он завершил свою тираду следующими словами:

– Короче, последние рейсы не принесли нам никакой выгоды. Если вы нам заплатите за перевоз, будет обоюдная польза.

Я все еще молчала. Лучше помолчать, чтобы собеседник побольше выложил. И он выложил.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что у вас нет совсем никаких трофеев?

И тут я позволила себе спросить:

– А ты думаешь, в море эти трофеи у нас будет легко забрать?

Тут замолчал он. Потом выдал:

– Нет. Я так не думаю.

Вся эта часть разговора звучала уже более убедительно. Разумеется, эти люди при случае не преминули бы нас ограбить. И кое-какие трофеи у нас были помимо оружия. Ахейцы обожают цеплять на себя и на свои доспехи разные блестящие золотые нашлепки. И мы, хотя не так уж ценим золото, эти нашлепки берем и переплавляем в слитки. А слитки иногда, во время перемирий, меняем у скифов на готовые изделия для храмов.

В Темискире развиты ремесла, но, не искусства. Скифы же – очень хорошие ювелиры, гораздо лучше троянцев. Они умеют делать воистину прекрасные вещи, и это весьма странно для народа, который жестоко казнит за учение и считает, будто не только их богам, но и Деве – в особенности Деве! – угодны кровавые жертвы.

Итак, мне было вроде бы все ясно, и все же, прежде чем ответить Акмону, мне хотелось, чтобы сперва высказались остальные. Однако я знала, что раз переговоры веду я, Энно и Аргира будут молчать.

Тем временем головня в руках Псамафы догорела, и она отшвырнула ее на песок. Мы остались в темноте. Дальше молчать было невозможно.

– Мы – конный народ, не морской, – сказала я.

– Знаю.

– Никогда служанки Девы не плавали по морю.

– Это отказ?

– Тот, кто жаждет выгоды, – почти по слогам произнесла я, – не должен ждать немедленного ответа. Я должна подумать.

– Верно. Но прими во внимание, Военный Вождь, – мореходный сезон близится к концу. Еще раз сменится луна – и задуют зимние ветра, губящие все корабли, даже критские. Так что не размышляй, ради Богини, слишком долго.

– В любом случае я не собираюсь думать до новолуния, Акмон-критянин. Мы поговорим завтра.

– Всех благ Военному Вождю.

– Во славу Богини.

Он исчез в темноте. Стало ясно, что такое ему не в диковинку. Мы же вернулись к костру. И. я произнесла одно слово:

– Совет.

Все повернулись ко мне, и, пока я рассказывала о предложении Акмона, взгляды не отрывались от меня.

О трех советницах я уже поведала, теперь, очевидно, следует описать остальных.

Кирена была широка костью и обильна телом, по виду – добродушная толстуха, не знающая, за какой конец держать меч. На деле же она была лучшей фехтовальщицей в Боевом Совете и, когда надо было, не ходила, а скользила. Что же до добродушия... Но об этом после. Волосы у нее были цвета пакли, и она их коротко стригла, хотя у нас это не в обычае.

Никта была примерно моя ровесница, с очень смуглой кожей, ярко-зелеными глазами и черными прямыми волосами. Никто не умел так верно рассчитать и нанести удар, как она – во всех отношениях. Для Рассказчицы историй не было и лучшей слушательницы.

Аэлло, с нежным, и одновременно словно из камня выточенным лицом, была подвержена безумию боя, как и Пентезилея. Но если Пентезилея умела мыслить и другими категориями, Аэлло жила только войной. Ни посещения храмов, ни древние повести, ни вино, ни любовная близость не вызывали в ней никакого трепета. Были люди – мужчины и женщины – которые не желали в это поверить. Мне их жаль.

Киана чем-то походила на меня, вероятно, была тех же кровей – широкоскулая, широколобая, с узкими глазами и ртом. Только волосы у нее были не светлые, как у меня, а рыжие, даже медно-красные. Она умела не просто драться, но предводительствовать боем, и делала это хорошо. Была она холодной насмешницей, и во мне ценила, кажется, не столько Военного Вождя, сколько Рассказчицу историй.

Мелайна была выше всех ростом, горбоносая и курчавая. Рядом с ней даже Хтония могла показаться многословной. И, как большинство молчаливых людей, она была непредсказуемо и опасно вспыльчива. У нее имелось два больших достоинства: великолепная память – с ней не надо было никакой карты, и непревзойденное умение побеждать в тайном бою Темискиры без оружия.

У Анаии тоже был Дар – разговаривать с большинством бессловесных тварей Богини, в особенности с лошадьми. Что до внешности, торчащими, как иглы у ежа, жесткими воло-

сами, тупым носом и большими круглыми глазами, всегда полуприкрытыми тяжелыми веками.

И пока я говорила, то знала, о чем они думают – о главном доводе, который Акмон опустил. Сознательно, конечно. Он же не дурак. Не показывай злой собаке палку, если не хочешь, чтоб та зарычала.

Фракия! Через нее к Трое мы прошли, как нож сквозь масло. Нас даже принимали в царской крепости Эносс. Обратный путь будет иным. Может, там новости распространяются не так быстро, как на побережье, но то, что мы разорвали союз с Троей, все же станет известно. А фракийский Полиместор – к тому же еще и свойственник Приама, женат на одной его многочисленных то ли дочерей, то ли племянниц. И если с его предшественником Ээтионом еще можно было иметь дело, то от Полиместора можно ждать любой подлости. Ради самонаименьшей выгоды продаст ахейцев троянцам, а троянцев – ахейцам, а тех и других оптом – хоть в Черную Землю. Причем, будучи дураком, прогадает на любой сделке. Во всяком случае, теперь у него есть формальный повод напасть на нас, а все прежние разговоры о единой вере – пустое сотрясение воздуха. Через Фракию придется пробиваться с боями, искать обходные пути не позволяет воинская честь. Вот в чем было дело, а вовсе не в Акмоне с его выгодными сделками. И я сказала:

– Говорите, советницы.

И Хтония тоже произнесла, как я и ожидала, единственное слово:

– Фракия.

Общее молчание означало согласие. А потом она добавила:

– Но никогда женщины Темискиры не плавали по морю. Это не наш Путь.

Энно, вторая по старшинству, возразила:

– Не уверена. Все принадлежит Богине, и море тоже. Не вижу в этом ничего дурного.

– Я тоже, – сказала Аргира. – И, кроме того – Фракия. Мы выйдем из драки без потерь, но не потеряв лицо. Это хороший ход. Я – за.

– Никогда дружина Темискиры не уклонится от боя! – бросила Аэлло. – Кто посмеет сказать нам, что мы испугались? А это слишком похоже на трусость. Даже если одна из нас будет против тысячи, она Должна пойти против тысячи, иначе это будет измена Темискире, Богине и нам самим. Я против.

Никта поморщилась.

– Ну, одна против тысячи, это, ты, прямо скажем, хватила... Но тем не менее я тоже против. Били мы этих фракийцев раньше, как-нибудь управимся и теперь. О чем речь? И нечего загрркать себе голову.

Это была первая неожиданность. Все другие советницы говорили примерно то, что я от них ожидала. Но я предполагала, что Никта будет «за». – Поддерживаю Никту, – сказала Кирена. – И правда, о чем речь? Они берут толпой, зато у нас выучка и головы на плечах. И вообще на воде меня укачивает...

– Я не верю этому человеку, – произнесла Мелайна. И напонила поговорку: – Все критяне – лжецы.

Я была согласна с тем, что критяне – лжецы, но не любила, когда про какой-то народ говорили «все», независимо от того, присуще ли какое-то качество этим «всем» или нет.

– А я считаю, что это будет забавно, – медленно произнесла Киана. – Это будет шутка, которую запомнят накрепко. Что до критянина, врет он или нет – у нас есть мечи!

Анайя кивнула.

– Я – за, – сказала она и сделала жест, означающий, что воздерживается от объяснений.

И это была вторая неожиданность. Морской переход, если мы на него решимся, в первую очередь, скажется на лошадях, а именно они были всегда заботой Анайи.

– Итак, подведем итоги. – сказала Арги-ра. – Хтония, Аэлло, Никта, Мелайна, Кирена – против. Энно, Анайя, Аргира – за. Пять против четырех. Мирина не высказывалась.

– Вот именно, – сказала Хтония. – У Военного Вождя – решающий голос. Если ты присоединишься к тем четверым, счет будет равным. Если нет – и говорить не о чем.

– Так говори же, Военный Вождь! Кто из них это произнес?

Я снова обвела их взглядом. Никудышный я Военный Вождь. Нет у меня решимости. Мне бы выполнять приказы, а не отдавать их.

Я разлепила губы.

– Прошу у Боевого Совета время на размышление. Я дам ответ на рассвете.

Они восприняли это как должное и спокойно разошлись, как ни в чем ни бывало. А я осталась у костра. Но я недолго у него засиделась. Снова встала, миновала стражу и вышла на берег.

Ветер казался сырым и теплым дыханием моря. И шум этого дыхания – прибой.

Я стояла, словно вблизи живого существа, к которому меня неудержимо влекло.

Глупо все это, конечно. Я отчетливо сознавала, где я и что я, и в предрассветной мгле уже рисовались перед моими глазами критские корабли.

Разумеется, я бывала прежде у моря. Когда вся твоя жизнь проходит на полуострове и приходится часто ходить в походы, никуда от него не денешься. Большинство из нас относилось к морю, как к чему-то бесполезному: много воды, а пить нельзя, много места – а не проедешь.

И только сейчас у меня смутно забрезжила мысль – это нечто совсем иное. Если бы я немного подольше побыла Военным Вождем... Если бы я была прирожденной царицей... Но я лишь серая тень, случайно занявшая место героини. И еще не сознавала всей меры ответственности, упавшей на мои плечи. Я знала, что мое дело – с наименьшими потерями довести отряд до Темискиры, а там уж назначат состязания для выборов новой царицы и ритуальные поединки, в которых я, конечно, не приму участия, вновь став просто Рассказчицей историй.

А разве это не Путь – сократив дорогу, миновав враждебную Фракию, доставить отряд на родину морем?

Я не вспоминала ни о проницательной Энно, ни о расчетливой Аргире. Это было только мое решение.

И когда на рассвете советницы вновь собрались у выгоревшего кострища, я им его объявила. Так я совершила первую из своих великих ошибок – ту, что положила начало безумному походу и заложила камень в основание империи.

Хтония сказала, что берет переговоры с Акмоном на себя. Если бы она хоть словом возразила мне! Но нет. Она не обсуждала принятые решения. И считала, что благодаря своему опыту сможет сторговаться лучше. Мне же делать этого не подобает – торг роняет достоинство Военного Вождя.

Я хотела отправить с ней Аргиру, но решила, что с моей стороны это будет выражением недоверия. Но все же охранницу с ней послала – сильную воительницу, по имени Стеропа. Мало ли что...

И она с ним сторговалась. За пять слитков. Два сейчас и три по прибытии на полуостров. У него был еще напарник – капитан второго корабля, и Акмон должен был с ним делиться. Но тот, второй – подчиненный.

Кстати, мы могли отвалить им и пятьдесят слитков. Я уже говорила, что мы не ценим золото, как таковое, но большинство людей ценят его слишком сильно, поэтому не стоит показывать, что у нас его много.

– Нам нужно осмотреть корабли, прежде чем грузиться на них, – сказала я. – Уж это я тоже сделаю сама.

Хтония мрачно посмотрела на меня.

– Если там есть ловушка, они не должны захватить Военного Вождя.

На берег мы вышли вместе и с хорошим эскортом. Там нас дожидался Акмон и второй капитан, высокий, мрачный и волосатый, с перебитым носом. Он больше походил на финикийца, чем не критянина. Только финикийцы более болтливы, чем критяне, а за этого продолжал трепаться Акмон. Звали кормчего, однако, Киферон, а это имя чисто критское.

После обычных приветствий Акмон начал плести словеса насчет той платы, что была обещана вперед.

Я прервала его:

– Сперва она, – я кивнула на Хтонию, – осмотрит оба корабля. И трюмы тоже. Но учти, мы будем стоять на берегу, и если вздумаешь по-быстрому сняться с якоря, то вспомни, на какое расстояние бьют наши стрелы.

Что бы ни было у него на уме, он дал согласие.

Хтония и еще четверо отправились на корабли.

Солнце жгло уже вовсю, но я не уходила с солнцепека и не сводила глаз с кораблей. В те часы мои чувства как бы отключились, от ночного смятения не осталось и следа, я просто наблюдала и отмечала продвижение фигур по палубе.

В руках у остальных были луки со стрелами, у меня – ничего. Меч висел у бедра, топор за спиной.

Хтония, вернулась мрачная, но не более чем обычно.

Энно протянула ей флягу с водой.

Хтония отпила, вернула флягу и лишь потом заговорила.

– Он не врал. Трюмы у них пусты. И есть загородки для скота. Похоже, им и вправду не дают ни торговать, ни пиратить по берегам.

– Люди?

– Довольно много воинов. Всякий сброд. Но все же есть несколько воинов. И недурно вооруженных.

– Сколько именно?

– Больше сотни на каждом корабле. С учетом тех, кто шляется по берегу – полторы сотни.

– А на веслах?

Хтония взглянула на меня с удивлением, а это чего-нибудь да стоило.

– Рабы, – произнесла она, как будто это подразумевалось само собой. – Рабы, прикованные к скамьям.

Я покачала головой, плотно сжав губы. Примерно триста человек разношерстной команды... На берегу не стоило даже принимать их в расчет, но в море они будут в привычной стихии, а мы нет. Да еще рабы... На чьей они стороне? Почему я оцениваю их как врагов?

Ведь решено же относиться к ним как к союзникам и никто моего решения не оспаривает. Потому что следует допускать любую возможность. Почему же мне просто сразу не отказаться от этой затеи? Потому что я так хочу.

Акмон приблизился ко мне.

– Дает ли Военный Вождь свое согласие?

Я сделала утвердительный жест.

Он вздохнул. До этого он пребывал в сильном напряжении.

– Когда начнем грузиться?

Я ответила не сразу. Кое-что надо было прикинуть и кое-что рассчитать.

– Завтра. – Добро. И как только поймает ветер, отваливаем.

Грузиться раньше завтрашнего дня не имело смысла. Нужно было разобраться, как у нас с припасами – для наших животных и для себя. Кроме того, не худо напоследок устроить охоту и разжиться свежатиной. Пресная вода – забота Акмона. Так мы договорились.

Сама я, впрочем, на охоту не пошла, а провела вечер в расчетах и совещаниях с Хтонией, Энно, Анайей и Аргирой – теми, кто мог быть сейчас мне наиболее полезен.

Потру, перед загрузкой, я снова созвала совет и обратилась к Хтонии:

– Мы должны разделиться.

Она была недовольна, хоть и не высказала этого вслух.

– Мы обязаны разделиться. Все мы на одном корабле, ясное дело, не поместимся. Ты знаешь, что я по праву должна быть Военным Вождем. И если что случится... Скажем, один из кораблей потонет... Я не хочу, чтобы отряд остался без предводителя. Она хмуро согласилась.

– То же относится и к Боевому Совету. Мы все должны разделиться.

– Бросим жребий? – прищурилась Никта.

– Нет, я уже все обдумала. Я, Энно, Ме-лайна, и Аргира – на корабле Акмона. Хтония, Кирена, Киана, Никта и Анайя – Киферона. И мы вместе решим, как разделиться остальным.

Я действительно много думала, как разделить Боевой Совет. И пришла к выводу, что выбирать нужно не из тех, кто голосовал за морской переход и против него, а исходя из личных качеств советниц.

Обладавшие более уравновешенным характером могли обойтись без моего присутствия. Те же, кто могли сорваться (кроме Энно), должны оставаться рядом со мной.

Так мы и сделали. И до следующего дня разобрались с провиантом. А потом погрузились и отплыли.

Почему я так кратко сообщаю об этом? Потому что очень плохо помню. Я, запомнившая в точности, кто именно какие слова произнес накануне. А здесь все смешалось в огромный пестрый и спутанный ком.

И все же кое-что я помню.

Удары барабана, задававшего ритм гребцам, отдавались у меня в голове. Ветер раздувал залатанный парус.

Рыжий парень, помощник Акмона (я еще подумала – первый раз вижу рыжего критянина) стоял у рулевого весла. Большинство наших сидели под навесом на корме, кое-кто был в трюме с лошадьми. А я безостановочно ходила по палубе. Вообще-то это не так уж просто – ходить по палубе корабля, но я как-то быстро приноровилась ко всему – качке, к ветру, к толчкам весел.

Рядом со мной кто-то закашлялся. Я обернулась. За моим плечом стоял Акмон. Он явно хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать.

– В чем дело, хозяин корабля?

– Я должен предупредить... – он морщился, губы его кривились в бороде. – Рабы... на веслах... Понимаешь, тут такое дело... Мы, свободные – другие, мы выходим на берег, бываем в разных местах, мы можем купить себе... – Он снова осекся. – А рабы все время прикованы, только иногда их переводят в крепость. И они уже давно без женщин. Даже не видели их. А тут их на корабле множество! Да знаю я, знаю, что ты скажешь! Но это могу понять я, свободный человек, хозяин корабля, а не они. И если ты будешь тут везде расхаживать, у них на виду, они просто взбесятся. Что такое бунт на корабле – не видала? Я, заметь, тебя не пугаю. Я вполне верю, что вы с ними справитесь. Ну, перебьете вы моих рабов, а кто будет грести? Вы?

Как все мужчины, он слишком много говорил, но в его речах был резон.

Рабы в Трое и гребцы на корабле отличались друг от друга. Слабосильные на веслах не выдержат. А чтобы держать сильных людей в смирении и повиновении... Да стоило лишь взглянуть на их спины! Одних цепей было явно недостаточно.

Я еще подумала, увидев их: «Если бы это был мой корабль, гребцами на нем стали бы свободные люди...» Это была просто мысль, никакое не предчувствие. Я медленно кивнула.

Но, похоже, это движение показалось Акмону двусмысленным, потому что он по-прежнему не сводил с меня испытующего взгляда.

– А что ты знаешь о морском деле? – спросил он.

– Ничего.

– Тогда, может быть, тебя развлечет, если ты посмотришь за моим рулевым. Гиагн его зовут...

– Фригийское имя, – заметила я.

– У нас здесь всякие есть... Так прошу тебя, Военный Вождь, если желаешь развлечь себя, подойди к рулевому... Только не расхаживай по кораблю!

Вместе с Акмоном мы подошли к рулевому. Акмон сказал ему, кто я, и Гиагн приветствовал нас щербатой улыбкой.

Акмон не сразу отошел, а довольно долго еще трепался о морских течениях, об анемах-ветрах, из которых главнейшими являются Борей и Зефир, которые финикийцы именуют Цафон и Гемал, о гаванях и заливах, о том, что я должна была помнить по рейду через Фракию – Финее и Фрике...

Он делал это, отвлекая мое внимание от чего-то другого, может быть, действительно, чтобы убрать, меня с глаз гребцов, но я все равно слушала.

Потом в разговор вступил Гиагн. Я слушала, а больше смотрела на его руки, на его стойку, на весло.

Акмон убрался. Я продолжала смотреть и слушать. Рулевой был польщен. Не знаю, сообразил ли он, что мое внимание вызвано отнюдь не его мужскими достоинствами, но был доволен в любом случае.

Я стояла рядом с ним до темноты. И знала, что назавтра приду опять. Так потянулись дни плавания. И ощущение повышенной яркости восприятия не прекращалось. Я чувствовала себя, как малолетняя ученица в храме. И не говорите мне про качку. Люди, с младенчества проводящие жизнь верхом на коне, как правило, не подвержены морской болезни. Про вонь, несущуюся из трюмов, особенно, когда помимо рабов на корабле есть и лошади – морской ветер стоил и того, и другого.

Мы отошли довольно далеко от береговой линии. И это подтверждало то, что я слышала. Критяне и финикийцы – единственные, кто осмеливается выходить в открытое море. Даже теперь, когда Великая Талассократия пала, и на островах полно пиратов.

А вот команда у Акмона состояла явно не из одних критян – я не о рабах говорю, а именно о свободных матросах. Несмотря на предупреждение Акмона, я могла предположить, что от них неприятностей дождешься скорее, чем от рабов. Но нет. Они не только не нарывались на столкновения с нами, они вообще держались в стороне. Судя по всему, Акмон запретил им с нами даже разговаривать.

Но глаза-то у меня были, и я замечала, что люди это разноплеменные. Однако вряд ли стоит ждать от морского народа, что он станет следовать тем же обычаям, что народы сухопутные.

Я ничего не сказала Акмону. Я просто смотрела. Как они управляются со снастями. Как ставят парус. И, конечно же, за рулевым. Иногда у рулевого весла стоял сам Акмон, но чаще его подменял Гиагн.

Этот оказался, запреты или не запреты – разговорчив. Сообщил, что и отец у него был моряк, и что родом он из портового города Мелии, и любопытствовал, приходилось ли мне там бывать. Услышав отрицательный ответ, долго об этом городе распространялся.

Я не мешала ему говорить. Не знаю, как он истолковывал мои ежедневные приходы. Но только однажды он предложил мне самой взяться за рулевое весло. И неважно, что сделал он это из хвастовства, или по каким-то причинам желая подольститься. Совсем неважно.

Некоторые женщины – не из наших – пытались объяснить мне, что такое любовь к мужчинам, к детям... В моей жизни ничего подобного не было. Но я могу понять, что это такое, потому что всходила на борт корабля и держала рулевое весло. Я не могла сказать, что люблю Темискиру, войну, верховую езду – все это просто была моя жизнь. А море и корабли ею не были. И это была любовь. Вот почему я говорю, что плохо помню первое время пребывания на корабле. Вернее, я слишком занята была самим кораблем, и мало обращала внимания на все остальное.

Просыпаться я начала после одного происшествия.

Корабль Киферона следовал в некотором отдалении от нас, но в поле зрения. Матросы с кораблей сообщались с помощью определенных сигналов, трубя в рог или отбивая ритм на барабане.

Акмон сказал мне, что, судя по этим сообщениям, у Киферона тоже все в порядке. Но я хотела убедиться в этом собственными глазами.

День был солнечный, но ветреный. Корабль Киферона оказался ближе к нам, чем прежде, и я попыталась рассмотреть, что там происходит.

Я стояла у борта, но мне показалось, что так смотреть неудобно. Я вскочила на борт, ухватившись за ванты одной рукой, а другой замахала, стараясь обратить на себя внимание.

На палубе второго корабля я увидела Хтонию и Киану. Я могла даже разглядеть их лица. У Хтонии был хмурый, как всегда, вид, Киана же, напротив, смеялась. Она помахала мне в ответ, а Хтония сделала условный жест на тайном языке, означающий – не тревожься, все спокойно.

И в это мгновение я услышала позади шум – топот и крики. Все еще держась за ванты, я повернулась, положив свободную руку на меч (мы носим их на поясе, а не у плеча, как эллины).

По направлению ко мне бежало что-то большое, голое, грязное и лохматое, а за ним со стуком волочилась позеленевшая цепь.

Если бы я не видала уже гребцов, я бы озадачилась – что это? Но добежать до меня он не успел. Взмахнул руками и ткнулся лицом в доски. Одновременно я увидела, и как он падает, и застывшего поодаль в характерной боевой стойке Акмона. Я вновь перевела взгляд на упавшего. Метательный нож вошел ему прямо под левую лопатку. Чувствовалась опытная рука.

Я прыгнула на палубу. Свободные от вахты матросы столпились кругом. Зато мои по большей части оставались под навесом. Они увидели, что помощь мне не нужна, а остальное волновало их мало.

Акмон подошел ко мне. В этот миг стало ясно, что вся его купеческая учтивость и даже угодливость – лишь маска. Он был в бешенстве и сдерживал его огромным усилием.

– Я же говорил тебе – поменьше разгуливай по кораблю! – прорычал он. Затем схватил ртом воздух, выдохнул его, и, после паузы продолжал уже спокойнее: – Чего ты хочешь – это же скоты! А ты тут ходишь везде... С голыми ногами, в одной рубаше, словно на показ! Вот один и озверел совсем, вырвал цепь из крепления и – на палубу! Хорошо, я подоспел...

– Ты считаешь, я не могу себя защитить?

– Ты – моя гостя, – сказал он уже прежним тоном. – Я не могу допустить, чтобы тебя оскорбили.

Обернувшись к матросам, крикнул: – Вы, отродье ехидны! Выбросите эту падаль за борт! Только не забудьте сперва снять цепь!

Я вернулась под навес и задумалась. Поступок Акмона меня озадачил. Иное дело, если бы он был вождем или царем, хранящим честь своего дома. Но Акмон был купцом, а для купца – уж настолько-то я знала людей рабских государств! – раб являлся ценностью. Тем более – гребец на корабле в открытом море. И я – Акмон не мог не учитывать этого! – способна была просто оглушить Несчастливого. Его совсем не требовалось убивать. Так с какой стати хозяин позволил себе уничтожить ценное имущество из-за того лишь, что на его гостью пытались напасть?

И кроме того... Надсмотрщик и два его помощника – здоровенные, лоснящиеся, с тупыми мордами, спустились вниз. С того места, где я сидела, было не слышно, что они там делают. Но слышать и не требовалось... А главное, этот раб и не собирался на меня нападать! За тот краткий миг, что я видела его живым, я успела увидеть и его глаза. Не было в них похоти. Никакой. И если он и обезумел, то вовсе не от жажды насилия. Похоже... Он просто собирался мне что-то сказать! Да, рот его открылся, пожалуй, раньше, чем Акмон бросил нож. И это «что-то» было очень важным, раз человек решился поставить на кон собственную жизнь...

А купец избавился от дорогой вещи... Если кто-то из гребцов посвящен в эту тайну, то теперь с ним так разберутся, что никто больше не вырвется и никогда не заговорит. Да и мне не дадут приблизиться к ним.

Собственно, для этого служило предупреждение Акмона. А вовсе не заботы о моей чести и безопасности. Слишком поздно?

Но, судя по всему, то, что знают рабы, обязаны знать и свободные. И в первую очередь, Акмон. Нужно наблюдать за ним... И за всеми остальными. Следует предупредить своих. Что я и сделала.

На следующий день ко мне подошла Энно. Вид у нее был озабоченный.

– Лошади начинают болеть, Военный Вождь. Я хороший конский лекарь и стараюсь, как могу, но, если так пойдет дальше, от моей помощи будет мало проку. Конечно, на том корабле то же самое. Там Анайя, она лучше меня, но... Море не место для боевых коней, Мирина.

Я вспомнила, что на совете перед отплытием Энно как раз была за морской переход. Но сейчас она, конечно, права. Наши лошади привычны к вольным степям, а не к тесным стойлам в трюмах. Это люди могут к такому привыкнуть. Кони – вряд ли.

Я отправилась разыскивать Акмона. На сей раз он сам правил кораблем. Но я уже знала, что он достаточно опытен и способен при этом разговаривать.

– Эй, кормчий! Я заплатила тебе золотом за перевоз и обещала добавить по прибытии. Но если среди лошадей начнется падеж, то как бы тебе самому не пришлось расплачиваться! Потому что наши кони стоят дороже золота.

Акмон криво усмехнулся.

– Я понимаю, Военный Вождь, я понимаю. Коням нужен выпас, нужна свежая вода... И если бы мы были вблизи от берега, я бы непременно сделал стоянку. Но оглянись кругом – увидишь ли, где берег?

В самом деле, берегов давно не было видно. И это странно. За то время, что мы были в море, мы должны были если не пройти Проливы, то идти по ним сейчас. А Проливы между Троянским морем и нашим, которое ахейцы чаще всего называют просто Понт, не так уж широки.

– Скажи мне, кормчий, – спокойно спросила я, – когда мы достигнем Проливов?

Акмон крепче налег на весло.

– Скоро, Военный Вождь, скоро. Собственно, мы уже должны были войти в них, но ты видела, какие были ветры? А они станут еще хуже. Ведь сейчас осень. Но, – теперь он смотрел мне прямо в глаза, – как только мы окажемся вблизи суши, клянусь тебе священными змеями Великой Богини, мы встанем на якорь! Даже если это будет самый суровый остров!

Я отошла. Потом подумала: «Что-то мне не приходилось слышать об островах в Проливах. Есть, правда, Белый остров, который ахейцы называют Левка, но это крохотный островок, да и находится он совсем недалеко от нашей цели». Но, конечно, Акмон знает море несравненно лучше меня...

Он накаркал – на следующий день погода начала ощутимо портиться. Небо затягивалось облаками, и, похоже, за ними должны были последовать грозовые тучи. Ветер крепчал, штормило.

У моих был не слишком бодрый вид – до сих пор им не приходилось переживать бурю на море. Как и мне, впрочем. Но я смотрела на Акмона – он не был особо взволнован, хотя шторм казался неминуемым. После вчерашнего происшествия спокойствие купца, не могло снять камень с моей души. Я все же спросила, что он думает о погоде.

– Ну, будет дождь, – он пожал плечами. – Может, поболтает малость. Но я что-то не видел, чтобы ты травила за борт. Тебя это всерьез беспокоит? Надеюсь, что к ночи мы завидим сушу. И ночевать будем на берегу.

Итак, он собирался причалить. Не означало ли это, что я напрасно забивала себе голову, и мы, наконец, достигли Проливов?

Я отправилась проторенным путем – к рулевому веслу.

Там находился Гиагн. Он тоже не казался испуганным. Может, моряки – вроде нас – не высказывают своих истинных чувств? Я припомнила, о чем распространялся вчера Акмон.

– Часто бывают такие ветра в это время года? – спросила я.

Гиагн углубился в описание различных рейсов, в которых ему приходилось бывать, и штормов, которые ему пришлось пережить. Тема его действительно увлекала, на сей раз он обходился без вранья, каким обожают уснащать свою речь моряки.

– Но северный ветер осенью – это проклятие. Особенно, когда бьет в лоб, как сейчас...

– В лоб? – перебила я его. – Но ведь притом направлении, что мы идем, Борей должен бить нам в спину? Или нет?

Лицо Гиагна перекосилось, рот приоткрылся. Он боялся... Нет, не меня.

Я мгновенно повернулась. За моей спиной стоял Акмон, и от разлюбезного купца в нем не осталось и следа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.